АНТИЧНАЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

ПЕРЕПИСЫВАЯ ДОКСОГРАФИЮ: ГЕРМАН ДИЛЬС И ЕГО КРИТИКИ*

Л.Я. Жмудь

1

Наше знание о досократиках, за исключением их дословных фрагментов, основывается преимущественно на двух "столпах" – Аристотеле и Феофрасте. От того, насколько они надежны в качестве источников, в решающей степени зависит понимание раннегреческой философии. Попытка предложить существенно новую интерпретацию отдельного досократика или досократической философии в целом почти неизбежно влечет за собой критику и переоценку этих двух источников. Характерным примером такого подхода служат недавние книги А. Капицци и П. Кингсли[1]. Оба автора исходят из того, что Аристотель не только интерпретировал досократиков, исходя из своих задач и в своих собственных терминах (трансформируя таким образом их идеи), но и что он просто не мог адекватно понимать "мистическое" мировосприятие досократиков. Я не вижу, однако, серьезных оснований полагать, что миры Аристотеля и досократиков действительно были несоизмеримы. Не случайно наиболее систематическая и основательная попытка переоценить Аристотеля как источника по досократовской философии, предпринятая Чернисом[2], не связана с какой-то определенной реинтерпретацией самих досократиков. Позже Д. Макдиармид попытался приложить принципы, разработанные Чернисом, к доксографии Феоф-

* Первый вариант этой статьи был представлен в виде доклада на конференции "Что такое досократическая философия?", организованной А. Лаксом в Лилльском университете (октябрь 2000 г.), а также в университете Сент-Эндрюс (апрель 2001 г.). Я благодарю всех участников дискуссии за ценные замечания. Английский вариант статьи см.: *Zhmud L.* Revising Doxography: Hermann Diels and his Critics // Philologus 145 (2001). P. 219–243.

[1] См.: *Capizzi A.* The cosmic republic. Amsterdam, 1990 (La repubblica cosmica. Roma, 1982); *Kingsley P.* Ancient philosophy, mystery, and magic: Empedocles and the Pythagorean tradition. Oxford, 1995.

[2] *Cherniss H.* Aristotle's criticism of Presocratic philosophy. Baltimore, 1935.

раста[3]. Он еще раз подчеркнул зависимость Феофраста от идей Аристотеля, но преувеличил ее значимость для реконструкции досократовской философии.

Наряду с Аристотелем и Феофрастом, Германа Дильса также можно рассматривать в качестве еще одного, не менее важного и более непосредственного источника наших знаний о досократиках. Блестящая реконструкция доксографической традиции, осуществленная им в *Doxographi Graeci* (*DG*), заложила прочные основы для последующего издания *Фрагментов досократиков*, на которых, в свою очередь, строились все исследования в этой области в прошлом веке. Благодаря тому, что после Дильса изучение доксографических источников продолжалось лишь эпизодически, его авторитет оставался неколебимым почти в течение столетия, хотя ретроспективно попытка П. Штайнметца поставить под сомнение один из существенных пунктов реконструкции Дильса может рассматриваться как знак приближающегося ревизионизма[4].

В 1984 г. А.В. Лебедев оповестил о массированном наступлении на доксографическую теорию Дильса:

> История доксографии Дильса полностью ошибочна. Аэций – это фантом... а Феофраст как пандоксографический *hypokeimenon* – это мастодонт *Einquellentheorie* XIX в. Готовится полный пересмотр теории Дильса. *Placita philosophorum* не имеют ничего общего с Феофрастом, а восходят к академическим (Евдор) и стоическим (Арий Дидим) источникам. Мы почти ничего не знаем о малоизвестной работе Феофраста Φυσικαὶ δόξαι[5].

Позже Лебедев изменил свои взгляды и так и не завершил обещанный "полный пересмотр" теории Дильса, хотя его перевод первого тома *Фрагментов досократиков* носит следы его глубоких расхождений с Дильсом[6]. В недавней книге двух ведущих современных экспертов в доксографии – Я. Мансфельда и Д. Рунии – уничтожающей критике идей Лебедева посвящена специальная глава[7]. Столь же безуспешной была еще одна "промежуточная" критика Дильса, предпринятая П. Кингсли, чьи "неудачные и совершенно не-

---

[3] *McDiarmid J.B.* Theophrastus on Presocratic causes // Harvard Studies in Classical Philology 61 (1953). P. 85–156.

[4] См.: *Steinmetz P.* Die Physik des Theophrastos von Eresos. B., 1964. S. 334–351 (см. ниже).

[5] *Lebedev A.* Φύσις ταλαντεύουσα: Neglected fragments of Democritus and Metrodorus of Chios // Proceedings of the I-st international congress on Democritus. Xanthi 1984. P. 14 и сн. 1.

[6] Например, он дал своему переводу другое название: "Фрагменты ранних греческих философов", включив в их число таких вымышленных персонажей, как Абарис и жена Пифагора Теано.

[7] *Mansfeld J., Runia D.* Aëtiana: The method and intellectual context of a doxographer. Vol. 1. The sources. Leiden, 1997. P. 333–338 (далее: Aetiana).

обоснованные замечания были отвергнуты в критической заметке Мансфельда"[8].

Хотя Мансфельд и Руниа защитили Дильса от некоторых, с их точки зрения необоснованных, выпадов, их собственный подход к его доксографической теории в высшей степени критичен, так что едва ли какая-либо ее часть осталась нетронутой в их многочисленных работах. Мансфельд, Руниа, а позже и Х. Балтуссен[9] инициировали возрождение доксографических исследований и сформировали особую школу, которую, ввиду ее существенных отличий и даже сознательного дистанцирования от "старой" доксографии Дильса, уместно назвать "школой новой доксографии", или просто "новой доксографией". Эта статья посвящена именно расхождениям между Дильсом и его критиками и оставляет на время без внимания их важный и ценный вклад в исследование доксографии и в антиковедение в целом.

В недавней статье Руниа формулирует, а затем подвергает критике некоторые "фундаментальные положения" Дильса[10]. Во-первых, это само понятие доксографического жанра. Сходство между доксографическими текстами, полагает Руниа, гораздо лучше объяснять в терминах не литературного жанра, а философского метода, т.е. Аристотелевой диалектики. Во-вторых, "Дильс обнаружил недостаточное понимание различий между методами античных доксографических текстов и требованиями современных историко-философских исследований". Мы можем продуктивно использовать эти тексты лишь тогда, когда поймем их цели и методы. В-третьих, Дильс был слишком критичен по отношению к поздним доксографам, обвиняя их во всякого рода ненужных изменениях: "он не сумел распознать гибкость доксографического метода". Этим, разумеется, претензии не ограничиваются. Подробное чтение работ Мансфельда, Рунии и Балтуссена за последние 15 лет показывает, что под огнем их критики оказались и гораздо более существенные вещи: не только понимание Дильсом доксографической традиции, но и его интеллектуальная честность, и даже значимость немецкой классической филологии

---

[8] Aëtiana, 154 n. 109. Ср.: *Kingsley P.* Empedocles and his interpreters: The four-element doxography // Phronesis 39 (1994). P. 235–254. Другая критическая заметка (*Mansfeld J.* Doxographi Graeci // Hermann Diels (1848–1922) et la science de l'antiquité / W.M. Calder III, J. Mansfeld. Vandœuvres; Genève, 1998. P. 164) опровергает тезис о том, что Аэций не мог носить это имя; ср.: *Bremmer J.* Aëtius, Arius Didymus and the transmission of doxography // Mnemosyne 51 (1998). P. 154–160.

[9] *Baltussen H.* Theophrastus on theories of perception: Argument and purpose in the "De sensibus" (Diss.). Utrecht, 1993 (далее: Theophr. I). Ср. новое издание этой книги: Theophrastus against the Presocratics and Plato: Peripatetic dialectic in the "De sensibus". Leiden, 2000 (далее: Theophr. II).

[10] *Runia D.* What is doxography? // Ancient histories of medicine / P. van der Eijk. Leiden, 1999. P. 38–39: "Fundamental assumptions under attack".

XIX в.[11] Я попытаюсь перечислить, что именно "новую доксографию" не устраивает в Дильсе, учитывая по преимуществу лишь те упреки, которые постоянно повторяются в работах всех трех исследователей.

Начнем с того, что сам термин "доксография" ущербен. Далее, понимание Дильсом доксографии является ошибочным (поскольку это не жанр), недостаточным и слишком узким, в то время как в современной литературе этот термин употребляется слишком широко, – не в последнюю очередь благодаря отсутствию ясности у Дильса. *Prolegomena* Дильса к *DG* получили стойкий эпитет "лабиринтообразные", а его реконструкция доксографической традиции именуется "внушительной", но "весьма проблематичной". Дильс "рабски следовал" своему учителю Узенеру, в то время как его ссылки на других своих предшественников "скупы и неясны". Дильс уделял слишком мало внимания, с одной стороны, Аристотелю как основателю доксографии, особенно его диалектическому методу, а с другой – методам и целям поздних доксографов. В то же время он придавал слишком много значения методу *Quellenforschung*, ныне более чем сомнительному, и особенно давно изжившей себя *Einquellentheorie*. Дильс неправильно понимал заглавие доксографического труда Феофраста, равно как и его происхождение и структуру. Вопреки Дильсу, трактат Феофраста *De sensibus* не был частью Φυσικῶν δόξαι, в то время как большинство фрагментов, отнесенных Дильсом к последнему труду, в действительности восходит к Феофрастовой *Физике*. Конечно же, youthful Diels did do a splendid job, но он был "сыном своего времени", так что кажется весьма странным, что его "методологические ущербные" реконструкции, которые никогда не подвергались настоящей критике, все еще доминируют в современной науке[12].

Этот список далек от завершения, и я прерываю его лишь для того, чтобы иметь возможность хотя бы частично ответить на критику. Действительно, в течение последних ста лет почти все написанное Дильсом в области доксографии считалось правильным, разумеется, если не было доказано обратное[13]. Если это и есть "доминирование", то оно лишь отражает реальную ситуацию: Дильс сде-

---

[11] "...теоретические основания внушительного издания Дильса прочно принадлежат немецкому интеллектуальному климату XIX в. (*Mansfeld J.* Studies in the historiography of Greek philosophy. Assen, 1990. P. 23. Далее: Studies.).

[12] Ibid. P. 22: "Реконструкция Дильса... все еще считается общим местом в историографии греческой философии. Это странно, поскольку *Doxographi Graeci* есть замечательный образец применения метода *Quellenforschung*, который сегодня не пользуется хорошей репутацией". Ср. сн. 77.

[13] Неверно, однако, что его никогда по-настоящему не критиковали. Даже преданный ученик Дильса О. Регенбоген отнюдь не был ослеплен лояльностью к учителю. Его статья о Феофрасте в *RE* содержит множество критических замечаний и сомнений относительно доксографической теории Дильса: *Regenbogen O.* Theophrastos // RE Supplbd. 7 (1940). Col. 1535–1538.

лал больше, чем кто бы то ни было другой для изучения досократиков в целом и доксографии в частности. Весьма прискорбно поэтому, что борьба против его "доминирования", ставшая движущей силой общего наступления[14], радикально меняет нынешнее отношение к его наследию. Слишком многое сделанное Дильсом и не превзойденное никем другим воспринимается сейчас как нечто само собой разумеющееся, в то время как каждое, даже незначительное уточнение его позиции и каждый шаг вперед празднуются как триумф современной науки. В лекции, прочитанной в Лейденском университете в рамках симпозиума по случаю выхода первого тома *Aëtiana*, Д. О'Брайен сначала сравнил "поле" доксографии (которое Дильс так старался культивировать) с минным полем, а затем успокоил всех собравшихся:

> Но не нужно бояться. Яп Мансфельд и Дэвид Руниа уже в пути. Давайте же пожелаем им успехов в их смелой решимости превратить эту опасную местность в безопасную для неискушенных и неосторожных[15].

У меня все же остаются опасения. В частности, я боюсь, что эта критическая кампания, которая очевидным образом набирает обороты, станет процветающим бизнесом и принесет такие саморазрушительные результаты, что даже Яп Мансфельд и Дэвид Руниа не смогут их компенсировать.

2

Несмотря на постоянное употребление слова "методология", идеал научной теории, на который ориентируются критики Дильса, не просто "методологически ущербен". В сущности, перед нами не научный, а холистический идеал теории, которая проницает свой предмет сверху донизу, не оставляя необъясненным ничего[16]. Автор такой теории должен предвидеть все возможные изменения научных интересов на ближайшие 150 лет, чтобы не быть впоследствии обвиненным в том, что он не смог использовать ту или иную идею или не уделил достаточно внимания некоему факту. Нет необходимости доказывать, что подобная теория невозможна, и к счастью для нас, иначе ее доминирование было бы и в самом деле невыноси-

---

[14] "Лишь сравнительно недавно изучение античной историографии философии стало освобождаться от доминирующего влияния Дильса. В последние годы слабости его реконструкции и *Einquellentheorie* в целом подверглись критике (*Baltussen*. Theophr. I, 7). Первая глава книги Мансфельда названа "Ошибка Дильса" (*Mansfeld J.* Heresiography in context. Hippolytus' *Elenchos* as a source for Greek philosophy. Leiden, 1992); ср. статью: *Baltussen H.* Plato in the Placita (Aëtius Bk. IV): A Dielsian blind spot // Philologus 144 (2000). P. 227–238. См. также сн. 15.

[15] *O'Brien D.* Hermann Diels on the Presocratics: Empedocles' double destruction of the cosmos (Aëtius II 4.8) // Phronesis 45.1 (2000). P. 16.

[16] "Анализ Дильса неполон и потому неадекватен (Baltussen. Theophr. I, XXI). Ср. ниже, сн. 94.

мым. Это не означает, что я выступаю за удобный релятивистский подход и предлагаю судить теории Дильса только по меркам 1879 г., когда были опубликованы *DG*. Напротив, оказывается, что большинство из того, что сделал Дильс, сохраняет свою значимость и по сей день, так что очень часто его результаты выглядят более убедительно, чем предложения его критиков.

Термин "доксография", придуманный Дильсом, подвергается критике с самых разных сторон. Мансфельд и Руниа неистощимо изобретательны в поисках все новых аргументов (которые заменяют их старые аргументы), призванных показать, чем именно он плох. Среди них можно обнаружить и следующий:

Термин доксография... довольно неудачен, поскольку, пусть даже по ассоциации, он подразумевает нечто солидное, безличное и объективное, как скажем, картография[17].

Следуя подобной "ассоциативной" критике, можно дойти до такого абсолютно несолидного термина, как "порнография", что само по себе отнюдь не компрометирует дильсовский неологизм. Что, собственно, следует из настойчивых указаний на то, что это *неологизм*? Если за ними стоит стремление критиков анализировать греческую культуру *только* в ее собственных терминах, то оно представляется мне совершенно утопичным. Заглавие известной книги Джеффри Ллойда *Science, folklore and ideology* содержит три неологизма, и это отражает то простое обстоятельство, что, хотя у древних греков действительно были наука, фольклор и идеология, общие термины для них, пригодные для *нашего* анализа этих феноменов, в греческом языке отсутствовали. "Доксография" доказала свое право на существование и имеет все шансы выиграть в соревновании с альтернативным *неологизмом*, предложенным Балтуссеном, – "критическая эндоксография"[18], который не стали использовать даже Мансфельд и Руниа.

Мансфельд и Руниа критикуют слишком широкое употребление слова "доксография", поскольку "его значение стало слишком расплывчатым". Они даже утверждают, что "немало ученых предпочитает вообще избегать этот термин, а соответственно, и предмет доксографии"[19]. Я полагаю, что они слишком драматизируют ситуацию. Широкое употребление какого-либо термина не обязательно ведет к недоразумениям. Есть сотни научных терминов со многими явственно различимыми значениями, так что новое значение, например употребление термина "доксография" применительно к *современному* изложению философских теорий древности, может вполне мирно

[17] *Mansfeld J.* Studies. VIII.

[18] *Baltussen.* Theophr. I, 21; он же. A "dialectical" argument in *De Anima* A 2–4 // Polyhistor. Studies in the history and historiography of ancient philosophy presented to J. Mansfeld / K. Algra et al. Leiden, 1996. P. 335, n. 14. Ср. ibid. P. 333, n. 6.

[19] Aëtiana, XIII.

уживаться со старым, не затемняя его. В любом случае, Дильс не несет никакой ответственности за широкое употребление слова "доксография", поскольку сам он понимал его весьма узко и употреблял очень редко[20]. Тем не менее Мансфельд и Руниа пишут: "По правде говоря, сам Дильс способствовал этому недоразумению"[21]. Странным образом, единственное подтверждение этому они находят в сноске к книге Дильса *Elementum*[22]. Трудно понять, как *одно слово* в сноске, причем в редко читаемой книге, которая не имеет никакого отношения к доксографии, могло ввести в заблуждение кого бы то ни было.

То, что действительно порождает недоразумения, – это не широкое употребление термина "доксография", а отказ от доксографии как от определенного *жанра*, что, в свою очередь, оборачивается произвольным включением в доксографию самых различных типов сочинений. Действительно, с тех пор как Мансфельд и Руниа отвергли "слишком строгое разделение" между доксографией и биографией[23], их понятие доксографии стало намного шире того, которым пользовался Дильс; часто бывает нелегко понять, как они, собственно, определяют этот предмет. Взгляд Дильса на доксографию был весьма узок, но он, по крайней мере, был понятен: доксографы – это авторы тех книг, *основное содержание* которых может быть возведено к Φυσικῶν δόξαι Феофраста. Дильс верил в существование доксографического жанра, который представлен в основном Placita-литературой, но не ограничен ею, поскольку никто не называл и едва ли станет называть труд Феофраста ἀρέσκοντα или *placita*. Я не нашел в современной критике ни одного серьезного аргумента в пользу того, что Дильс был неправ и что жанра доксографии в действительности не было. То, что можно в ней обнаружить, сводится к следующему: *мы предпочитаем* анализировать материал не с точки зрения литературного жанра, а с точки зрения философского метода[24], т.е. диалектики, к которой я еще вернусь позже.

---

[20] Термин doxographisch впервые появляется в 1893 г., 14 лет спустя после *DG*. См.: *Diels H.* Kleine Schriften zur Geschichte der antiken Philosophie / W. Burkert. Hildesheim, 1969. S. 101.

[21] Aëtiana, XIII.

[22] *Diels H.* Elementum: Eine Vorarbeit zum griechischen und lateinischen Thesaurus. Leipzig, 1899. S. VII, n. 2. Он называет doxographisch первую часть книги *Veterum de elementis placita*.

[23] *Mansfeld J.* Studies. P. 22 f. «Термин "доксография"... был изобретен Дильсом для обозначения того, что он считал специфическим жанром античной литературы» (Aëtiana, XIII). «Невысказанная предпосылка о существовании идентифицируемого доксографического жанра, более широкого, чем *Placita*-литература, является одной из главных причин неясностей, окружающих понятие "античная доксография"» (*Runia D.* What is doxography? P. 36). «Жанр доксографии, по Дильсу, следовало четко отграничивать от полной фантазий биографии (в которую он включал преемства философов и литературу о философских "толках"). В этом различении есть доля правды, но в целом оно неверно» (*Mansfeld J.* Sources // The Cambridge companion to early Greek philosophy / Ed. A.A. Long. Cambridge, 1999. P. 35).

[24] *Runia D.* What is doxography? P. 38–39.

Нет никаких сомнений в том, что литературные и фольклорные жанры существуют объективно, даже если границы между ними не столь определенны, как это представляется в теории, и есть немало сочинений промежуточного и смешанного типа. Основываясь на очевидных различиях между доксографией и биографией, Дильс не включал в доксографический жанр ни так называемые преемства философов (Διαδοχαί), ни литературу о философских "толках" (Περὶ αἱρέσεων). И Сотиона, зачинателя жанра "преемств", и Гиппобота, автора первой известной нам работы Περὶ αἱρέσεων, Дильс относил к биографам[25], в полном соответствии с тем, что мы знаем из фрагментов их работ[26]. Даже если Мансфельд и Руниа не верят в доксографию как жанр, они едва ли будут отрицать существование биографического жанра. Каковы же в таком случае основания, для того чтобы связывать с доксографией типично биографические преемства философов[27]? Я не вижу никаких оснований даже для обсуждения преемств в статье, озаглавленной "Что такое доксография?"[28], поскольку все специалисты, писавшие о литературе этого типа, единодушно относили ее к биографии[29].

Всякая видовая классификация должна принимать во внимание не только сходства между видами, но и их происхождение. В случае с преемствами Руниа, как представляется, игнорирует первый критерий, ибо *doxai* представлены в этом виде литературы даже в меньшей степени, чем в таких недоксографических жанрах, как комментарии, энциклопедии, введения и т.д. В случае с литературой о философских "толках" Руниа не уделяет достаточно внимания второму критерию, а именно имеет ли этот вид литературы какое-либо генетическое родство с доксографическим жанром, созданным Феофрастом. Гиппобот был автором двух книг, одной био-

---

[25] *Diels. DG*, 147 f, 245; "Hippobotus biographus" (ibid., Index, 684).

[26] *Sotion*. Die Schule des Aristoteles, Supplbd. II / F. Wehrli. Basel, 1978; *Gigante M.* Frammenti di Ippoboto // Omaggio a Piero Treves. Padua, 1984. P. 151–193; *Giannattasio Andria R.* I frammenti delle "Successioni dei filosofi". Napoli, 1989.

[27] В своей статье в *DNP* Руниа рассматривает три типа сочинений: *Placita*, о "толках" и преемства. Последний тип представлен так: "Третий тип сочинений, которые можно связывать с доксографией, – это так называемые преемства"; ср.: "Этот тип литературы следует поместить между биографией и доксографией" (*Runia D.* Doxographie // DNP 3 (1997). P. 804–805).

[28] Здесь Руниа анализирует те же три типа сочинений, что и в статье в *DNP*, что создает впечатление, будто все они являются доксографическими, но затем замечает: "Изложения преемств философов, которые не фокусируются на различиях между доктринами и их развитии, также выходят за рамки доксографии" (P. 52). Читателю остается решать, есть ли такие преемства, которые *фокусируются* на различиях между доктринами и их развитии, и тем самым принадлежат к доксографии.

[29] *Kienle W. von.* Die Berichte über die Sukzessionen der Philosophen in der hellenistischen und spätantiken Literatur (Diss.). B., 1961. S. 79 ff. Далее: Die Berichte; *Mejer J.* Diogenes Laertius and his Hellenistic background. Wiesbaden, 1978. S. 64. Далее: Diogenes Laertius; Wehrli (сн. 26), 13; *Giannattasio Andria R.* Op. cit. P. 18.

графической – Ἀναγραφὴ τῶν φιλοσόφων, другой историографической – Περὶ αἱρέσεων, посвященной *этическим* доктринам *постсократовских* школ[30]. Поскольку *Мнения натурфилософов* рассматривали только физические учения *до*сократиков и Платона, Περὶ αἱρέσεων нельзя рассматривать в качестве прямого наследника этого сочинения. В каком же тогда смысле эта книга Гиппобота является доксографической? Этот вопрос можно поставить и в более общей форме: согласно каким методологическим критериям Руниа отличает доксографию от других направлений античной историографии философии? Правда, нужно отметить, что он не первый, кто относит сочинения о философских "толках" к доксографии[31], но, учитывая его постоянные упреки в расплывчатом употреблении этого термина, мы вправе ожидать более продуманного подхода к проблеме.

В отличие от Рунии Й. Майер в своем анализе эллинистической историографии философии не относит литературу о "толках" к доксографии, а рассматривает ее, наряду с биографией и преемствами, как отдельный тип сочинений[32]. В этом он прямо следует старому компендию Юбервега–Прехтера, выделявшему именно эти четыре группы *историко-философских трудов древности*: 1) биография; 2) преемства; 3) доксография; 4) литература о "толках"[33]. Не удивительно, что Прехтер в свою очередь прямо опирается на *DG* Дильса и весьма высоко оценивает эту работу. Удивительно другое: именно эти четыре группы можно обнаружить в работе Мансфельда 1999 г. (без ссылки на Юбервега–Прехтера). Еще более странно то, что он неожиданно считает их *жанрами*, как если бы его критика доксографии как жанра внезапно растворилась в воздухе:

Нам следует поэтому присмотреться поближе к различным античным жанрам, которые можно, в широком смысле слова, назвать историографиче-

---

[30] *Mejer J.* Diogenes Laertius. S. 77.

[31] *Wyss B.* Doxographie // RLAC 4 (1959) 199. Висс считал их модифицированной формой Феофрастовой доксографии, главным представителем которой был Арий Дидим. Сложность, однако, состоит в том, что согласно недавнему детальному исследованию Арий был автором двух работ: Περὶ αἱρέσεων, организованной по темам, и Ἐπιτομή, организованной по школам. См.: *Hahn D.E.* The ethical doxographies of Arius Didymus // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt, II 36.4 (1990). P. 3012 ff, 3018 ff; ср.: *Runia D.* Areios Didymos // DNP 1 (1996). P. 1041–1042. Между тем организация по школам до сих пор повсеместно считалась специфической чертой жанра Περὶ αἱρέσεων! Ср.: «отнесение к доксографии остатков литературы, принадлежащей к жанру "о толках" и посвященной этике, является своего рода солецизмом, хотя, вероятно, неискоренимым» (*Mansfeld J.* Doxographical studies, Quellenforschung, tabular presentation and other varieties of comparativism // Fragmentsammlungen philosophischer Texte der Antike / W. Burkert et al. Göttingen, 1998. S. 26).

[32] *Mejer J.* Diogenes Laertius. S. 75 ff.

[33] *Ueberweg Fr., Praechter K.* Grundriss der Geschichte der Philosophie. I. Teil, Die Philosophie des Altertums. 11. Aufl. B., 1920. S. 17 f, 20 ff.

скими..: (i) доксография; (ii) биография; (iii) литература о "толках"; (iv) преемства философов...[34]

К этим четырем традиционным историографическим жанрам Мансфельд добавляет два новых: «(v) собрания максим (*gnōmai*), апофтегм, анекдотов, хрий (*chreiai*)... и (vi) "введения" (*Eisagōgai*)», но затем признает: "...собрания максим и анекдотов не являются историографическим жанром в собственном смысле этого слова"[35]. То же самое можно сказать и о "введениях", так что кажется вполне естественным, что в дальнейшем тексте статьи Мансфельд лишь спорадически упоминает эти два жанра.

Трудно себе представить, чтобы Мансфельд был незнаком с выводами, к которым пришел Руниа в том же самом году: "В античности не существовало специального жанра доксографии, и Дильс ошибался, создавая это впечатление"[36]. Во всяком случае, в этой же работе Руниа побуждает читателя "обратиться к двум обзорным статьям Я. Мансфельда, излагающим последние достижения в этой области"[37], одну из которых я только что процитировал. Таким образом, оказывается, что уровень достижений в этой области в 1999 г. немногим отличается от 1920 г. (года издания Юбервега–Прехтера), более того: ясности за это время стало гораздо меньше. Я бы не стал настаивать на полном единодушии обоих исследователей, если бы Мансфельд и Руниа не объявили в 1997 г., что они "достигли полного согласия по всем главным вопросам и договорились различаться лишь по одному или двум мелким пунктам"[38]. Но есть ли в этой области вопрос, более важный, чем определение того, что такое доксография?

3

Как называлась книга Феофраста: Φυσικῶν δόξαι или Φυσικαὶ δόξαι? В сущности, само по себе это не столь уж важно, однако этот вопрос напрямую связан с более серьезным: был ли подход Феофраста к мнениям досократиков скорее историческим или систематическим? Для поздней доксографии, утверждают Мансфельд и Руниа, *doxai* часто важнее, чем имена их авторов. Это заставляет их полагать, что таков был и подход Феофраста,

---

[34] *Mansfeld J.* Sources // The Cambridge history of Hellenistic philosophy / K. Algra et al. Cambridge, 1999. P. 16–17. Замечание Мансфельда "Следует, однако, помнить, что эти жанры не жестко отделены друг от друга", соответствует замечанию Прехтера: "Внутри... историко-философской литературы в целом можно различить четыре группы, между которыми, однако, не всегда удается провести вполне четкие границы" (P. 20).

[35] Ibid. P. 20.

[36] *Runia D.* What is doxography? P. 52.

[37] Ibid. P. 33 n. 1.

[38] Aëtiana, XXI.

нашедший свое отражение в заглавии его труда – Физические мнения. *Из того*, как дано это заглавие в списке трудов Феофраста (Φυσικῶν δοξῶν ις′), решить в пользу той или иной интерпретации невозможно. Есть, однако, немало серьезных аргументов в пользу *Мнений физиков* как гораздо более исторической и ориентированной на личности философов работы, нежели это полагают критики Дильса[39].

Узенер и Дильс считали, что заглавия Φυσικῶν δοξῶν в 16 книгах и Περὶ φυσικῶν в 18 книгах из списка трудов Феофраста относятся к одному и тому же труду[40]. Так вот, Περὶ φυσικῶν – это книга не о τὰ φυσικά, а о οἱ φυσικοί, которые представляют у Аристотеля, его учеников и его комментаторов вполне определенную группу мыслителей, чьи мнения и стали предметом доксографии[41]. Поздние авторы цитируют эту работу под разными названиями, но все цитаты содержат мнения конкретных φυσικοί, а не просто некие анонимные "физические положения"[42]. В то время как у Аристотеля есть несколько примеров φυσικῶν δόξαι[43], φυσικαὶ δόξαι в его сочинениях отсутствуют. Любимый – и единственный – пример Мансфельда, φυσικαὶ προτάσεις (*Top.* 105 b 20 sq.), не может считаться заменителем φυσικαὶ δόξαι, поскольку разделение διαλεκτικαὶ προτάσεις на этические, физические и логические, в соответствии с их предметом, не подтверждает существование предполагаемого класса φυσικαὶ δόξαι[44]. Комментаторы Аристотеля, судя по всему, также ничего не знали об этом классе: в кор-

---

[39] Судя по оговоркам, сами они, кажется, не считают свои аргументы до конца убедительными. См.: *Mansfeld J.* Doxography and dialectic: *The Sitz im Leben* of the "Placita" // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt, II 36.4 (1990). P. 3057, n. 1; *Idem.* (п. 23). P. 23; *Runia D.* Xenophanes or Theophrastus? An Aëtian *doxographicum* on the sun. Далее: Xenophanes or Teophrastus? // Theophrastus of Eresus: His psychological, doxographical and scientific writings / W. Fortenbaugh, D. Gutas. New Brunswick, 1992. P. 116 n. 9. Далее: Theophrastus.; Idem. What is doxography? P. 38 n. 24.

[40] *Usener H.* Analecta Theophrastea (1858) // Kleine Schriften. Leipzig, 1912. S. 27; *Diels.* DG, 102; *Regenbogen O.* Theophrastes. Col. 1395.

[41] Ср. другое заглавие Феофраста: Πρὸς τοὺς φυσικούς (D. L. V, 46).

[42] Вариант Александра – Περὶ τῶν φυσικῶν (fr. 227C FHSG) – может означать только *О физиках*. Предмет этой книги – δόξαι τῶν φυσικῶν: περὶ Παρμενίδου καὶ τῆς δόξης αὐτοῦ καὶ Θεόφραστος... λέγει. Гален передает правильное заглавие и ссылается на τὴν Ξενοφάνους δόξαν (fr. 231 FHSG), Вариант Тавра – Περὶ τῶν φυσικῶν δοξῶν (fr. 241A FHSG) – может означать и *О физических мнениях* и *О мнениях физиков*. Учитывая остальные свидетельства, последний вариант более предпочтителен. Ср.: *Mansfeld J. Physikai doxai and Problēmata physica* from Aristotle to Aëtius (and beyond). Далее: *Physikai doxai...* // Teophrastus. P. 64–65; *Sharples R.W.* Theophrastus of Eresus. Commentary. Vol. 3.1. Sources on physics. Leiden 1998. P. 10.

[43] ἡ κοινὴ δόξα τῶν φυσικῶν (Phys. 187 a 28), ἡ τῶν φυσιολόγων δόξα (*Met.* 1062b 22).

[44] Аристотель называет это разделение "предварительным" и больше нигде его не повторяет. То, что он здесь определяет, – это предмет диалектических посылок, а не предмет всех возможных δόξαι. См.: *Mansfeld J.* Studies. P. 29.

пусе их сочинений можно найти немало φυσικῶν δόξα(ι)[45], но ни одного примера φυσικαὶ δόξαι[46].

Мансфельд и Руниа не привели ни одного убедительного аргумента против традиционной точки зрения, по которой трактат Феофраста *De sensibus* (*DS*) первоначально входил в состав *Мнений физиков*[47], в то время как Балтуссен, после долгого обсуждения и не без внутренней борьбы, заключает: "Поставленный перед необходимостью выбора, я бы склонился к тому, чтобы отнести *DS* к *Physikai doxai* (так, как они охарактеризованы в недавних исследованиях)"[48]. Между тем *DS* гораздо более историчен и ориентирован на личности, чем поздняя доксография[49]. В то время как параграфы у Аэция содержат мнения о каждом *чувстве* в отдельности, Феофраст организовал свое изложение по теориям *отдельных мыслителей*, касающимся всех чувств, которые он подробно обсуждает и критикует. В самом начале "физики" разделены на две группы, в соответствии с их главным принципом. Порядок имен тех, кто следовал принципу "подобное подобным", следующий: Парменид, Платон, Эмпедокл, что отражает возрастающую сложность их теорий[50]. Однако за ними следуют не сторонники противоположного принципа, а все остальные, представленные в хронологическом порядке: Алкмеон, Анаксагор, Клидем, Диоген, Демокрит[51].

---

[45] ταῖς τῶν φυσικῶν δόξαι. (Alex. *In Met.*, 72.2); τὴν ἁπάντων δόξαν τῶν φυσικῶν (Themist. *In Phys.*, 211.29, cf. ibid., 13.32); τὰς τῶν προτέρων φυσικῶν δόξας (Simpl. *In Phys.*, 358.12, cf. ibid., 162.8); ἥτις οὐδὲ φυσικῶν ἐστι δόξα (ibid., 148.28); τὴν τῶν κυρίως φυσικῶν λεγομένων δόξαν (id. *In De Caelo*, 561.1); τὰς περὶ τῶν ἀρχῶν τῶν φυσικῶν δόξας (Philop. *In Phys.*, 26.23); τὴν κοινὴν πάντων τῶν φυσικῶν δόξαν (ibid., 89.7, cf. 94.20, 184.25, 395.18); τὰς τῶν φυσικῶν δόξας (ibid., 108.15); τῶν φυσικῶν φιλοσόφων τὰς περὶ τῆς ἁλμυρότητος δόξας (Olymp. *In Meteor.* 150.28). αἱ τῶν φυσικῶν καὶ τῶν ἀστρονομικῶν δόξαι у Страбона (II, 5, 2.22–24), возможно, восходит к Посидонию (fr. 3c Theiler, но ср.: Edelstein-Kidd II, 135, 364). Ср. также: Δόξαι τῶν φυσικῶν φιλοσόφων ἀπὸ τῶν Πλουτάρχου (Euseb. *Prep. evan.*, XV, 340.23 Mras) и τῶν φυσιολόγων δόξαι (Simpl. *In Phys.*, 355.20).

[46] Мой поиск с помощью компьютерной версии *TLG* дал лишь один пример φυσικὴ δόξα во всем корпусе греческой литературы (*Olymp.* In Meteor., 138.29). Ни у Олимпиодора, ни у комментируемого им Аристотеля никаких имен нет.

[47] Они не идут дальше тех сомнений, которые уже были высказаны раньше, см.: *Wehrli F.* Theophrast // Die Philosophie der Antike / H. Flashar. Bd. 3. Basel, 1983, 489 f.

[48] Baltussen. Theophr. I, 250. То же самое повторено в Theophr. II, 245.

[49] См.: *Fritz K. von.* Democritus' theory of vision // Science, medicine and history, Essays written in honour of Ch. Singer / E. Underwood. Vol. 1. Oxford, 1953. P. 83.

[50] *Diels.* DG, 105.

[51] В § 1 Гераклит помещен во вторую группу, но дальше не упоминается. Анаксагор является единственным настоящим представителем второй группы, в то время как Алкмеон, Клидем, Диоген и Демокрит не принадлежат полностью ни к одной из них. Создается впечатление, что трудности в создании четкой классификации побудили Феофраста обратиться к самому простому, хронологическому принципу. Положение Клидема между Анаксагором и Диогеном – это единственное хронологическое указание об этой малоизвестной фигуре, на основании которого он был датирован Дильсом. Ср. Baltussen. Theophr. II, 16. Реконструкция Мансфельдом очень странной "présentation chronologico-systématique" неубедительна, см.: *Mansfeld J.* Aristote et la structure du *De sensibus* de Théophraste // Phronesis 41 (1996). P. 158–188.

Та же комбинация предметного и "персонального" подхода характерна и *Медицинскому собранию* (Ἰατρικὴ συναγωγή) ученика Аристотеля Менона, который обсуждал взгляды конкретных врачей и философов на причины болезней. Он также делит их на две группы, порядок имен внутри которых по большей части хронологический[52].

Работа Феофраста основывалась, по крайней мере частично, на его критических монографиях об отдельных досократиках: Анаксимандре, Анаксимене, Анаксагоре, Эмпедокле, Архелае, Диогене, Метродоре (D. L. V, 42–44, 49)[53]. Но для чего ему нужно было писать столько книг о конкретных "физиках", если "самыми важными были мнения, а не личности, которые их придерживались"?[54] Можно предполагать, что, реорганизуя этот материал для *Мнений физиков*, Феофраст не счел необходимым полностью устранить критику, хотя он, вероятно, сократил ее. Судя по обширным критическим пассажам в *DS*, в первую очередь его интересовала не логическая последовательность реферируемых теорий, хотя он уделял внимание и этому вопросу. И все же главным его аргументом было то, что данная теория противоречит фактам (наблюдениям) или не объясняет очевидные факты[55]. Иными словами, его критика была научной, а не диалектической, – постольку, поскольку научная теория должна согласовываться и с известными фактами, и с правилами логики.

В первой главе своего труда Феофраст располагает "физиков" в хронологическом порядке, дает их патронимик, место рождения, имя учителя и указывает на их зависимость от предшественников[56]. Все это совершенно не нужно для диалектической дискуссии, которая, согласно "новой доксографии", является *Sitz im Leben* труда Феофраста, но необходимо и важно для истории философии. Однако историческая ориентация этого труда – это как раз то, что Мансфельд, Руниа и Балтуссен стремятся свести к минимуму, если не устранить полностью. Эта тенденция разительно напоминает структу-

---

[52] *Manetti D.* "Aristotle" and the role of doxography in the Anonymus Londinensis // Ancient histories of medicine. P. 102, 118 f. Из-за лакун в папирусе и большого числа неизвестных имен этот порядок не всегда ясен; кроме того, автор папируса, кажется, изменил его в нескольких местах. И все же, первая группа начинается с Еврифона Книдского (род. после 500 г.) и кончается Эгимием из Элиды, младшим современником Гиппократа, вторая, согласно Манетти (P. 118 f), следует от Филолая до Филистиона из Локр и Платона.

[53] Ср. *Diels.* DG, 103. Он писал также о Платоне и Ксенократе. Кроме того, он мог использовать материал монографий Аристотеля о пифагорейцах, Ксенофане, Алкмеоне, Мелиссе и др. (D.L. V, 25).

[54] *Mansfeld J. Physikai doxai...* P. 65. Ср.: "Я считаю, что в этой работе главными были мнения, а не люди, которые их разделяли ... Это, во всяком случае, справедливо для Аэция и других источников..." (ibid.). К счастью для нас, не все, что справедливо для Аэция, справедливо и для Феофраста.

[55] См.: *Stratton G.M.* Theophrastus and the Greek physiological psychology before Aristotle. London 1917. P. 58 f.

[56] *McDiarmid J.B.* Theophrastus on Presocratic causes. P. 89; *Kienle W. von.* Die Berichte. S. 62 ff.

рализм с его попытками заменить историю и исторические методы структурой и формальными методами. Мне кажется, что именно в этой перспективе становятся понятнее массированная формализация доксографии и отрицание ее исторического характера, постоянные уверения в своем методологическом превосходстве над устаревшим позитивизмом XIX в. и твердое убеждение в том, что самым важным в доксографии является ее скрытая диалектическая структура. Между тем такой подход затемняет тот факт, что "физическая" доксография Феофраста и медицинская доксография Менона были частью историографического проекта Аристотеля, к которому принадлежали и три истории науки, написанные Евдемом и организованные по хронологии рассматриваемых в них математиков и астрономов[57]. Еще одной частью проекта была *История теологии* Евдема, которая также представляла доктрины "теологов" в хронологической последовательности[58]. Несмотря на существенные различия между подходами отдельных перипатетиков к своему конкретному материалу, именно история, а не диалектика объединяет различные части этого проекта в единое осмысленное целое[59].

То, что компендий Феофраста был посвящен "физикам" как специфической группе, подтверждает и следующий факт: он сознательно игнорирует мыслителей, принадлежащих к другим "профессиональным группам": "теологам", "математикам" и врачам[60]. Непосредственные причины такого подхода ясны: идеи "теологов" были представлены в *Истории теологии* Евдема, мнения врачей – в *Собрании* Менона, открытия "математиков" – в *Истории геометрии* и Истории астрономии Евдема. Но если эти работы, за исключением *Истории теологии*, включали и имена из других "профессиональных групп", Φυσικῶν δόξαι рассматривали исключительно мнения "физиков". По этой причине мы не находим имен "теологов" даже в разделе περὶ θεοῦ (Aët. I, 7), "математиков" – в астрономической части труда Феофраста, врачей – в разделе эмбриологии. Отсутствие "математиков" в астрономическом разделе особенно удивительно, поскольку Гиппократ Хиосский и его ученик Эсхил, Метон и Евктемон, Архит и Евдокс имели свои мнения по проблемам "физической" астрономии. Отсутствие этих имен у Феофраста

---

[57] *Жмудь Л.Я.* История математики Евдема Родосского // *Hyperboreus* 3.2 (1997). P. 274–297.

[58] Τῶν περὶ τὸ θεῖον ἱστορίας α′–ς′ из каталога Феофраста (251 ? 2 FHSG), которую следует отождествить с Историей теологии Евдема (fr. 150 Wehrli). См.: *Usener* Analecta Theophrastea. S. 18.

[59] Крупные достижения Аристотеля в области истории в последние годы его жизни и организованная им параллельно работа его учеников показывают, что его в значительной степени занимало исследование частного... Этот тип исторического интереса не может быть более объяснен как развитие его диалектического метода... Мы не должны отделять интерес Аристотеля к истории философии от его исторического исследования всех других сторон цивилизации (*Jaeger W.* Rec // American Journal of Philology 58 (1937). P. 354.

нельзя объяснить лишь состоянием наших источников, оно должно отражать сознательный выбор автора[61].

Симпликий дважды ссылается на книгу Феофраста Φυσικὴ ἱστορία (fr. 228B, 234 FHSG), и один раз просто на Ἱστορία (fr. 226B). Узенер и Дильс считали эту книгу не "физикой", а "историей физики", и соответственно отождествляли ее с Φυσικῶν δόξαι[62]. Это представляется очень вероятным, ибо Симпликий, обычно педантичный в передаче заглавий работ, ни разу не ссылается на *Мнения физиков*, хотя он явно использует их материал. Судя по всему, эта работа была ему известна под заглавием Φυσικὴ ἱστορία[63]. Если Φυσικὴ ἱστορία действительно означала "историю физики", это было бы серьезным аргументов в пользу исторического характера труда Феофраста. Однако Штайнметц настаивал на том, что Φυσικὴ ἱστορία значит не "история физики", а "физическое исследование". Поэтому он отождествил эту работу с *Физикой* Феофраста и отнес к ней большинство фрагментов *Мнений физиков* Дильса[64]. В итоге, доксографический труд Феофраста практически исчезал с горизонта, в то время как его *Физика* становилась альтернативным источником доксографической традиции.

Узенер и Дильс были в основном правы в этом споре, но к их аргументам можно кое-что добавить. Напомним, что ἱστορία появляется в заглавиях трех историй науки Евдема – Γεωμετρικὴ ἱστορία, Ἀστρολογικὴ ἱστορία, Ἀριθμητικὴ ἱστορία – два из которых цитирует Симпликий[65]. Γεωμετρικὴ (Ἀστρολογικὴ) ἱστορία Евдема означа-

---

[60] Поздняя доксография добавляет к изначальному материалу мнения μαθηματικοί и ἰατροί (см. "mathematici" и "medici" в индексе у Дильса); θεολόγοι представлены Орфеем, Гомером, Гесиодом и др. Мнения Гиппократа Косского и Полиба также были добавлены после Феофраста, в то время как Алкмеона последний считал "физиком". Ср. *Diels*. DG, 232; *Mansfeld J.* Doxography and dialectic. P. 3058–3059; *Runia D.* The *Placita* ascribed to doctors in Aëtius' doxography on physics // van der Eijk (сн. 10), 244–245.

[61] Мнение Евдокса о разливах Нила (DG, 386.1 f) явно попало в доксографию после Феофраста (ср. DG, 228 f; Eudox. fr. 287–288 Lasserre), равно как и ссылка на Евдокса и Арата (DG, 347.21 f).

[62] *Usener H.* Analecta Theophrastea. S. 26 f; Diels. DG, 102. Среди прочих соображений они основывались на том, что Прискиан различал два труда Феофраста: *Naturalis historia* и *Naturalis auditus* (137 1b, 5b FHSG).

[63] P. Шарплз (см.: *Sharples R.W.* Teophrastus of Eresus. Commentary. Vol. 3. 1. P. 12) замечает, что авторы, которые цитируют Φυσικὴ ἱστορία, не пересекаются с теми, кто ссылается на Φυσικῶν δόξαι. См. индекс Дильса к изданию Симпликия, p. 1447.

[64] См.: *Steinmetz P.* Die Physik des Theophrastos von Eresos. 335 f. См. также: *Mansfeld J.* Studies. P. 253; *Idem.* Sources. P. 26, *Rynia D.* Xenophanes or Theophrastus? 117, 129, 137 и *Baetussen* (Theophr. II, 241).

[65] См.: Fr. 140, 148 Wehrli; *Gottschalk H.* Rec. // Gnomon 39 (1967). S. 20. ἱστορία как "история", см. например: Arist. *Rhet.* 1359 b 30f, 1360 a 30–36; Poet. 1451 b 1–7, 1459 a 21–24; *Анаксимен* (*FGrHist* 72 F 3, 9). Всеобщая история Эфора называлась Ἱστορίαι; ученик Феофраста Праксифан критиковал Фукидида в своей Περὶ ἱστορίας (fr. 18 Wehrli). Похвала Феофраста стилю Геродота и Фукидида (fr. 697 FHSG) может восходить к его Περὶ ἱστορίας, см.: *Regenbogen O.* Theophrastos. Col. 1526.

ет не "исследование геометрии (астрономии)", а именно "историю геометрии (астрономии)", что ясно каждому, кто знаком с содержанием этих книг, включая, разумеется, и Симпликия[66]. Это увеличивает вероятность того, что ссылаясь на Φυσικὴ ἱστορία Феофраста, он понимал, что она представляет собой параллель, пусть даже и не точную, к Евдемовой истории математики[67]. Нет никаких сомнений в том, что ссылки Симпликия на Φυσικὴ ἱστορία следует отделять от его гораздо более частых ссылок на *Физику* Феофраста, которую он последовательно называет Φυσικά[68]. Евдемова *Физика* может еще раз служить здесь в качестве хорошей параллели: Симпликий приводит из нее почти сотню цитат, всегда называя ее только Φυσικά[69]. Различия в содержании между Феофрастовой теоретической *Физикой* и доксографической Φυσικὴ ἱστορία, как их цитирует Симпликий, не менее очевидны. Все три фрагмента Φυσικὴ ἱστορία касаются взглядов досократиков[70], в то время как только один из десяти фрагментов *Физики* упоминает какое-либо имя (fr. 238 FHSG, Демокрит), остальной материал – чисто теоретический. Все это, с одной стороны, обрекает на провал любую попытку считать *Физику* альтернативным источником доксографической традиции.

С другой стороны, очень вероятно, что Феофрастова *Физика* содержала *некоторые* доксографические пассажи, как это нам известно, например, по *Физике* Аристотеля или Евдема. Это означает, что Дильс был не прав, относя *Phys. op.* fr. 13 (= fr. 238 FHSG) к *Мнениям физиков* только потому, что он содержит имя Демокрита. Фактом, однако, остается то, что это *единственный* фрагмент *Физики* Феофраста, надежно отождествляемый по заглавию или по контексту, в котором вообще упоминается имя какого-либо досократика[71], за исключением спорной цитаты из Стобея[72]. Но даже если бы *Фи-*

---

[66] Он приводит длинную дословную цитату из *Истории геометрии* (fr. 140 Wehrli) и три из пяти цитат из *Истории астрономии* (fr. 146, 148–149 Wehrli).

[67] ἱστορικαὶ ἀναγραφαί, упомянутые Симпликием сразу же после пассажа о началах досократиков (*In Phys.*, 28.33), в первую очередь подразумевают труд Феофраста.

[68] См.: Fr. 143, 144b, 146, 149, 153a, 153c, 176, 238, 279, 298a FHSG.

[69] См.: Fr. 32–34, 37b, 43–44, 50, 59, 62, 75, 81, 85–88, 93a, 101, 104–105 Wehrli.

[70] Анаксимен (fr. 226b FHSG), Анаксимандр и Анаксагор (fr. 228b), Парменид (fr. 234).

[71] Поэтому замечание Диогена Лаэрция о том, что Феофраст излагает в *Физике* мнения почти всех "физиков" (IX, 22 = 227D FHSG) явно ошибочно. Узенер и Дильс правильно относили его к Φυσικῶν δόξαι, эпитоме которых Диоген упоминает в IX, 21. Ср. ссылку Галена на *Epitome* (fr. 231 FHSG). Доксографический фрагмент об истоках моря (fr. 23 Diels = fr. 221 FHSG; cf. Aet. III, 16) также восходит к Φυσικῶν δόξαι, см.: *Sharples R.W.* Theophrastus of Fresus. Commentary. Vol. 3.1. P. 219.

[72] Θεόφραστος ἐν τοῖς Φυσικοῖς γέγραφεν (fr. 232 FHSG). Ожидать здесь той же точности в ссылках на заглавия, что и у Симпликия, невозможно. Ссылка Феофраста может происходить как из *Физики*, так и из Φυσικῶν δόξαι. См.: *Steinmetz P.* Die Physik des Theophrastos von Eresos. S. 333 ff. *Sharples R.W.* Theophrastus on the heavens // Aristoteles Werk und Wirkung / J. Wiesner Bd. 1. B., 1985. S. 577–593; *Mansfeld J.* Studies. P. 147 ff; *Runia D.* Xenophanes or Theophrastus?

зика Феофраста содержала столько же доксографических отступлений, как и *Физика* Евдема[73] (что само по себе очень маловероятно), это ровным счетом ничего бы не изменило. Даже взятые вместе, доксографические пассажи Аристотеля, Феофраста и Евдема не смогли бы конституировать *жанр* доксографии – так, как он был сформирован *Мнениями физиков*. Среди многих важных различий между доксографическими пассажами из Евдемовой *Физики* и фрагментами историографической работы Феофраста следующие кажутся наиболее очевидными: Евдем не приводит ни патронимика обсуждаемого философа, ни места его рождения, ни имени его учителя[74], он не дает также никаких хронологических указаний. Напротив, в своей *Истории геометрии* он указывает место рождения и имя учителя почти всех математиков и рассматривает их строго хронологически (fr. 133 Wehrli). Таким образом, Φυσικὴ ἱστορία в качестве альтернативного заглавия к Φυσικῶν δόξαι была не столь уж и ошибочной.

4

Предрасположенность "новой доксографии" к систематике и сложное отношение к истории особенно ярко проявляются в ее критике Дильса в том, что в своем издании *Досократиков* он расположил материал хронологически и по школам:

> Этот метод подачи имеет тенденцию затемнять один важный аспект свидетельств, которые таким образом оказываются вырезанными из контекста, а именно, что наши самые ранние источники представляют *doxai* досократиков *группами* (in *clusters*)[75].

Пятнадцатью годами позже эту критику повторяет Руниа:

> Формулируя несколько парадоксально, можно сказать, что доксографический материал, не будучи сам по себе фрагментарным, стал таковым, поскольку он был привязан к исследованию индивидуальных философов. Такой метод, разумеется, неизбежен и сам по себе отнюдь не является ошибочным. Проблема, однако, состоит в том, что так легко потерять из виду содержание и метод первоначальных доксографических источников[76].

Будущий историк современной интеллектуальной жизни, наверное, не без интереса отметит, как в ходе XX в. понятие "перво-

---

[73] Fr. 31, 35–47, 49, 53–54, 60, 65, 67, 75, 78, 82, 89, 110–111, 118 Wehrli.

[74] Единственное исключение среди почти 30 фрагментов – это Ζήνων ὁ Παρμενίδου γνώριμος (fr. 37a), но поскольку этот фрагмент взят Симпликием из комментария Александра, имя Парменида могло быть добавлено последним. – Доксографические ссылки в работах Феофраста, не относящихся к истории, весьма скудны: *Gottschalk H.* Rec. S. 20.

[75] См.: *Mansfeld J.* Studies. P. 23. Ср. *Idem.* Sources. P. 25: Квазибиографический метод презентации Дильса, хотя и основан на (слишком) ясной гипотезе относительно передачи материала, в действительности затемняет свои собственные основания и мешает доступу к самим первоначальным источникам.

[76] *Runia D.* What is doxography? P. 37. См. также: *Baltussen.* Theophr. I, 5.

начальный" или "ранний источник" обратилось в свою противоположность и стало обозначать не книгу Анаксагора, и даже не компендий Феофраста, а Аэция и его эпитоматоров. Телега явно поставлена впереди лошади: если для *некоторых* поздних компиляторов (но отнюдь не для Феофраста!) имена индивидуальных досократиков превратились в простые ярлыки (name-labels), наклеенные на объединенные в группы "мнения", то все те, кто интересуется в первую очередь досократической мыслью, разрушает тем самым эти "изначальные" доксографические "кластеры", стремясь соединить идеи с их авторами. Но будь Дильс действительно впечатлен этой техникой поздних компиляторов и посвяти он свои усилия изучению тех проблем, которые его критики считают самыми важными, мы едва ли бы имели возможность воспользоваться плодами его *Досократиков*.

Столь же неуместной представляется мне повторяющаяся критика того, что Дильс игнорировал роль Аристотеля в формировании доксографии. В *DG* Дильс писал не историю "влияний", а был занят поиском общего источника доксографического жанра. Он нашел его в *Мнениях физиков* и убедительно связал этот компендий с поздними трудами, сохранившимися или утраченными. Иными словами, он занимался тем необходимым "исследованием источников" (*Quellenforschung*), на который "новая доксография" смотрит теперь с таким неудовольствием[77]. Хотя Аристотель не писал чисто доксографических работ, зависимость Феофраста от своего учителя не была упущена Дильсом: он находит много параллелей с доксографическими пассажами Аристотеля и ссылается на статью Целлера, посвященную этому вопросу[78]. Таким образом, дело заключается не в том, что Дильс чего-то не знал, а в том, что он не сумел продемонстрировать свое знание в форме, приемлемой для его критиков[79]. Трудно избавиться от мысли, что если бы он собрал все относящиеся к этой теме пассажи уже в *DG*, а не в более поздних *Досократиках*, он дал бы лишний повод называть его 854-страничное издание

---

[77] "*Quellenforschung*, как и психоанализ, – это наследники позитивизма XIX в." (*Mansfeld J.* Studies. P. 345); "*Quellenforschung* стало сегодня почти бранным словом" (*idem. J.* Doxography and dialectic. P. 3064); "техника *Quellenforschung*, на которой Дильс основывал свои исследования, пользуется сейчас плохой репутацией... Если... мы отнесем *Quellenforschung* к *DG*... как причину к следствию, то можно сказать, что следствия сохранились, в то время как причина была в основном дискредитирована либо даже забыта" (*Idem.* Doxographi Graeci. P. 17).

[78] *Diels.* DG, 105–106. Он также сравнивает главу Аэция о разливах Нила с *De inundatione Nili* Аристотеля (DG, 226–229). Правда, в то время Дильс еще не был уверен в авторстве этого трактата. Ср.: *Partsch J.* Des Aristoteles Buch "Über das Steigen des Nil" // ASGW 27 (1909). S. 555 n. 4. Ср. сн. 121.

[79] Он также не сумел признать влияние Аристотеля. Правда, большинство пассажей Аристотеля, относящихся к досократикам, появились в более поздних *Fragmente der Vorsokratiker*, но его решающая роль в формировании традиции не была учтена (см.: *Mansfeld J.* Doxographi Graeci. P. 147). Ср. Ibid. 165.

"внушительным", а введение к нему – "лабиринтообразным". Но даже если бы Дильс начал с Аристотеля, он и в этом случае мог быть обвинен в том, что не сумел распознать значимость более ранних авторов! Следующая цитата показывает, что это вовсе не полемическое преувеличение:

Влиятельные работы Дильса оказались существенной познавательной помехой (epistemic obstacle) на пути исследования того, занимались ли уже до Аристотеля, или до Платона, систематическим сопоставлением "мнений" или перечислением философских преемств. Поэтому попытки пойти дальше Дильса принесли лишь частичные результаты или не продвинулись дальше статуса постулатов[80].

Трудно понять, какую именно познавательную помеху имеет в виду Мансфельд, если Снелль в 1944 г., а вслед за ним Классен в 1965 г. обнаружили важного предшественника Аристотеля в доксографии – Гиппия Элидского, чью работу Патцер реконструировал в 1986 г.[81] Я считаю их результаты не менее существенными, нежели те, которых добился Мансфельд, чье основательное исследование доплатоновской доксографии основано именно на них, а не наоборот. И если эти результаты являются лишь частичными, то такова природа любого *научного* объяснения. Мы вновь сталкиваемся здесь с идеалом всепроникающей и всеохватывающей научной теории, которая служит отправной точкой многих экскурсов Мансфельда и Рунии в историю науки.

Aëtiana начинается с длинной (p. 1–63) предыстории гипотезы об Аэции, начиная с XVI в., где отмечены все совпадения сложной теории Дильса с любым замечанием, которое ведет или могло бы вести в том же направлении. Но значит ли это, что Дильс был менее самостоятелен, нежели мы привыкли думать? Всякая теория – это удачная комбинация предшествующих идей, и несмотря на наличие у Дарвина внушительного числа предшественников, сам Дарвин – только один. Потратив столько усилий и места на освещение самых дальних уголков интеллектуального "фона" теории Дильса, Мансфельд и Руниа умалчивают о непосредственных условиях ее создания: о том, что в это время Дильс был учителем в провинциальной гимназии с еженедельной нагрузкой в 22 часа, что он работал по 18 часов каждый день, что многие издания, на которые он опирался, были ненадежны, а рукописи труднодоступны и т.д. Единственный пассаж, в котором они касаются одного из этих фактов, начинается многообещающим замечанием: "Нам не следует быть здесь слишком скорыми на обвинения". А вот продолжение этого пассажа:

Завязнув в школьном преподавании, которое он ненавидел, Дильс был полон решимости утвердить свою научную репутацию так впечатляюще, как

---

[80] *Mansfeld J.* Studies. P. 23. Ср. *Idem.* Doxographi Graeci. P. 25.

[81] *Patzer A.* Der Sophist Hippias als Philosophiehistoriker. Freiburg, 1986.

только он был способен. Отсюда и эрудитская латынь его введения, его сложная и кольцеобразная структура, скудные и нередко уничтожающие ссылки на предшествующих и современных ученых. По этой же причине, мы можем предполагать, его весьма значительная зависимость от предшественников весьма удачно скрыта[82].

Я много раз просматривал текст и сноски *Prolegomena* и не заметил, чтобы сотни ссылок Дильса на ученую литературу были "скупыми и затемняющими"[83]. Да и есть ли смысл предполагать, что ссылка на Бюде или Йонсиуса подорвала бы академическую репутацию Дильса? Разумеется, я могу быть так же субъективен, как Мансфельд и Руниа, но дело в том, что до сих пор они не привели никаких конкретных примеров того, что же *именно* Дильс стремился скрыть или затемнить, так что мы оказываемся не в состоянии проверить их обвинения. В тех случаях, когда это можно сделать, они выглядят совершенно необоснованными, как, например, нескрываемое желание "новой доксографии" подчеркнуть зависимость Дильса от его учителя Узенера. Вот лишь один типичный пример.

Неверно, что Дильсово издание *Мнений физиков* "рабски следует" изданию Узенера[84]. Дильс сохранил его нумерацию фрагментов, но во всех серьезных вопросах здесь нет ничего, что даже отдаленно напоминало бы "рабскую" зависимость. Дильс часто корректирует текст Узенера, он не соглашается с его конъектурами и предлагает свои, его критический аппарат в пять раз больше аппарата Узенера, что само по себе показывает, сколь серьезно он относился к задачам издателя. Дильс отмечает специальным шрифтом текст, принадлежащий, по его мнению, Феофрасту, некоторые фрагменты длиннее у Дильса, чем у Узенера (fr. 2, 5, 12, 23), некоторые перегруппированы (fr. 6a), есть и такие, которых у Узенера не было (fr. 5a; fr. 19 выпал из текста Узенера из-за типографской ошибки). Хотя Дильс почитал своего учителя и доверял ему, он едва ли был

---

[82] Aëtiana, 73, ср. *Mansfeld J.* Doxographi Graeci. P. 168. Сходный тип истории науки представлен в статье У. Колдера III под саморазоблачительным заглавием: Hermann Diels: What sort of fellow was he? // Hermann Diels... et la sciense de l'antiquité. P. 1. "Что за парень был Дильс?", спрашивает себя Колдер и отвечает: не очень, намного слабее Виламовица.

[83] См., напротив, очень экономные ссылки Балтуссена на своих предшественников. В Theophr. I, 13–14 n. 5 он пишет, что цель и функции *DS* как целого остаются неисследованными еще с того времени, как Дильс напечатал (!) его в *DG*, и упоминает две монографии на эту тему (J. Beare 1906, repr. 1993; G.M. Stratton, 1917, repr. 1964) лишь в одной критической сноске. В Theophr. II ставки повышаются: "Данное исследование... представляет собой первую монографию об этом тексте со времени *Hylê Anthrôpinê* Л. Филипсона (1831)"; "до недавних пор *DS* как целое оставался практически неизученным... Во всяком случае, комментарий Стратгона недостаточен" (1–2). Ср. совсем другое мнение знатока античности: "работа Стратгона ... представляется самой лучшей в том, что касается интерпретации книги Феофраста" (*Fritz K.* von. Democritus' theory of vision. P. 84, n. 6.

[84] *Runia D.* Xenophanes or Theophrastus. P. 115.

"ослеплен лояльностью к гипотезе Узенера", как пишет Руниа в другом месте[85]. Скорее, он не стремился демонстрировать свою независимость любой ценой, к чему, как кажется, стремится сам Руниа. Занимаясь поисками критериев разделения материала между Арием Дидимом и Аэцием в компиляции Стобея, он замечает:

Жизненно важно определить различные критерии, которые позволили бы разделить эти два главных источника. По нашему мнению, таких наиболее важных критериев восемь. Разумеется, наш список отталкивается от списка десяти критериев, который набросал Дильс в своем строгом и замечательно кратком анализе. Представляется, однако, что лучше дать новый и исправленный список, который инкорпорирует его результаты, чем повторять старый *more scholastico*... В отличие от Дильса, мы исключаем все соображения, основанные только на содержании (т.е. три последних критерия Дильса)[86].

Арифметически вся эта операция означает следующее: Руниа вычитает три критерия из десяти критериев Дильса, затем добавляет к остатку свой единственный критерий и называет это "новым и исправленным списком", в который инкорпорированы результаты Дильса! Здесь уместно процитировать другое замечание Рунии из его более ранней статьи: "Результаты анализа Дильса были инкорпорированы Вахсмутом в саму структуру его издания, которое поэтому не может считаться независимой работой"[87]. Если применить этот весьма специфический критерий к трудам самих "новых доксографов", то сколь независимым окажется, например, первый том *Aëtiana*, в котором Мансфельд и Руниа идут за Дильсом след в след?

"Дильс с трудом менял свои взгляды или развивал свою мысль"[88]. Действительно, Виламовиц, на чьи воспоминания Мансфельд и Руниа здесь ссылаются, делал это гораздо охотнее, что лишний раз подчеркивает глубокие различия между двумя многолетними друзьями. Всякий, кто читал Дильса, пожалуй, согласится, что он всегда стремился основывать свои взгляды на самой прочной фактуальной основе, которая только была возможна в данном случае, так что у него не было оснований менять свою точку зрения так же часто, как Виламовиц. Отсюда не следует, что он не хотел или был неспособен корректировать свою доксографическую теорию[89].

---

[85] Ibid. P. 116. Ср.: "Дильс в течение всей своей жизни осознавал, что именно Герман Узенер поставил перед ним первую большую задачу... и никогда не переставал говорить с глубочайшей благодарностью... об этом одаренном учителе" (*Regenbogen O.* Hermann Diels (1922) // Kleine Schriften. München, 1961. S. 545).

[86] *Runia D.* Additional fragments of Arius Didymus on physics // Polyhistor. P. 367, n. 1.

[87] Ibid. P. 366.

[88] Aëtiana, 106, повторено в: *Mansfeld J.* Doxographi Graeci. P. 163.

[89] Например, он изменил свой взгляд на зависимость Ахилла Татия от Аэция (еще *до* того, как это было предложено Д. Паскуали: *Pasquali G.* Doxographica aus Basiliusscholien // NGWG 1910, 221 n. 1), которая является одним из немногих *серьезных* расхождений между его реконструкций Аэция и той, которая предложена в *Aëtiana*.

Во всяком случае, письмо Дильса в издательство Де Грёйтера, написанное в самый канун первой Мировой войны, едва ли может служить решающим аргументом в пользу этого вывода[90]. В предисловии к четвертому изданию *Досократиков* (1922) Дильс жалуется на то, что из-за высоких издательских расходов он не смог реорганизовать и улучшить его так, как этого хотел, но затем добавляет:

Судьба *Доксографов*, которые уже распроданы, но не смогли быть изданы в новой, более краткой версии, которая представляется настоятельно необходимой, обязывает меня высказать глубокую благодарность издателю нижеследующего труда.

Если я правильно понимаю эти слова, Дильс в действительности хотел сделать новое издание *Доксографов*, хотя вряд ли чувствовал необходимость их полного пересмотра. Что ж, в конце концов, это не так уж и плохо: ведь если бы он менял свои взгляды так же легко, как и его критики, мы имели бы по крайней мере три существенно различных версии развития доксографической традиции.

Действительно, было бы несправедливо утверждать и тем более – повторять при каждом удобном случае, что *Досократики* Мансфельда рабски следуют Дильсу и что так же, как и издание Дильса, они ориентированы на личности, а не на "мнения", что *eo ipso* разрушает изначальный контекст "мнений". Характер этой работы полностью соответствует ее задачам, так что подобные упреки были бы неуместны. Стоит, однако, напомнить, что в предисловии к ней мы находим те самые взгляды, которые Мансфельд и его школа без устали атакуют последние 15 лет:

Феофраст написал первую "Историю ⟨натур⟩философии"; книга Феофраста "О мнениях (*doxai*, отсюда доксография) натурфилософов" пропала, за исключением главы "О чувственных восприятиях"[91].

За исключением одного предложения, "во всяком случае, никто еще не отважился сделать заново работу Дильса", ничто здесь не указывает на то, что автор собирается предпринять радикальную ревизию взглядов Дильса – и своих собственных. В 1987 г. Мансфельд все еще использует вариант Дильса, Φυσικῶν δόξαι, но к 1989 г. он изменил свой взгляд[92], а в 1999 г. Руниа обращает обвиняющий перст в сторону статьи Верли (1983!), отмечая его (традиционный) вариант заглавия словом *sic*, как если бы речь шла о курьезной ошибке[93]. В статье 1987 г. Мансфельд все еще был рад обнаружить хотя бы одну ошибку у Дильса:

Доксография Ксенофана... предоставляет уникальную возможность доказать, что Дильс был не прав по крайней мере в одном важном случае, т. е.

---

[90] Цит. по: *Mansfeld J.* Doxographi Graeci. P. 162. Ср. *Runia D.* Xenophanes or Theophrastus? P. 117, n. 14.

[91] *Mansfeld J.* Die Vorsokratiker. Stuttgart, 1983, 30.

[92] Ср.: *Mansfeld J.* Studies. P. 147, 262 n. 49.

[93] См.: *Runia D.* What is doxography? P. 46 n. 54.

что он не был абсолютно прав в том, что касается его реконструкции как целого[94].

Впоследствии, однако, оказалось, что главный тезис статьи Мансфельда, а именно что доксографическая традиция предлагает в данном случае не сообщение Феофраста о Ксенофане, а мнение самого Феофраста, – ошибочен. Это продемонстрировал в 1992 г. не кто иной, как Руниа, заключивший, что Дильс в итоге был прав в этом пункте[95]. В 1986 г. Мансфельд замечает: идея Штайнметца о том, "что фрагменты у Симпликия, которые Узенер и Дильс приписывали доксографической работе, в действительности взяты из *Физики* Феофраста, больше не кажется мне столь убедительной", но тремя годами позже он целиком принял эту идею[96]. В 1992 г. Руниа настаивает: "методологически ошибочно" пытаться связать различные доксографические источники с помощью стеммы, как это подразумевается в наивной *Einquellentheorie* Дильса[97], а в 1997 г. подобная стемма появляется в *Aëtiana* (P. 328). Кроме непоследовательности, здесь есть еще одна неувязка: в *DG* нет стеммы ни для всей доксографической традиции, ни для ее раннего периода, ни для позднего. Единственная стемма, которую здесь можно найти, относится к тому, как передавался текст *Epitome* псевдо-Плутарха, включая его рукописи и источники, от него зависящие[98]. В противоположность реконструкции Рунии 1992 г. и диаграмме в *Aëtiana* (P. 81), Аэций, *Vetusta placita* и Феофраст в ней не фигурируют.

Рецензируя книгу Т. Гёрансона о среднем платонизме, Руниа одобрительно замечает: "Редко какой ученый демонстрирует столь острый взгляд на слабость аргументов других ученых"[99]. Я уверен, что ученый с гораздо более острым взглядом, чем мой, легко удвоит или утроит этот очень избирательный перечень пассажей, иллюстрирующих, сколь легко и охотно критики Дильса меняют свои взгляды. Я хотел бы, однако, обратить внимание еще на один факт. Критические выпады против *Einquellentheorie* отсутствуют в *Aëtiana* и в более поздних доксографических работах Мансфельда и Рунии. Похоже, что они вообще избегают этот термин. Не потому ли, что, непосредственно работая с реконструкцией Аэция, представляющей собой блестящий пример удачной *Einquellentheorie*, они чувствуют неловкость в повторении своей предшествующей критики этого

---

[94] Mansfeld J. Studies. P. 149–50.

[95] См.: *Runia D.* Xenophanes or Theophrastus? P. 129.

[96] Ср.: *Mansfeld J.* Studies. P. 72 n. 16 и 238 ff.

[97] *Runia D.* Xenophanes or Theophrastus? P. 137. На с. 136 Руниа дает диаграмму, которая "полностью в духе Дильса".

[98] DG, 40. "Liceat mihi hoc loco, quoniam varios Plutarchi libelli casus et memorias ab ipsis incunabulis per aetatum gentiumque seriem ad recentiora tempore decucurri, stemmatis artificio longiorem disputationem breviter comprehendere et illustrare" (ibid. S. 39).

[99] *Runia D.* Rec. // Vigilia Christiana 51 (1997). P. 107.

якобы устаревшего метода[100]? Каковы бы ни были причины этой перемены взглядов, она вновь побуждает нас отметить как отличия "новой доксографии" от Дильса, так и ее сходство с древнегреческой:

доксографический метод был в высшей степени гибким и способным адаптироваться к большому числу различных ситуаций и употреблений[101].

5

Комплексная структура *Мнений натурфилософов* гарантирует единство доксографического жанра и позволяет распознать его зависимость от первоначального источника. Здесь мы подходим к очень важному вопросу: каковы же были цель и структура труда Феофраста? Традиционная точка зрения состоит в том, что это перипатетическая история философии, систематическая и критическая[102], которую не следует смешивать, но вполне можно сравнивать с современной историей философии, ибо она служит ее отправной точкой. *Quod non*, – возражает Мансфельд, – этот компендий был написан для целей диалектики и имеет, соответственно, диалектическую структуру:

Аристотель превратил обходительный подход Платона (а также презентации Гиппия и Горгия) в дисциплину, а именно в диалектику, которая следует набору определенных правил. Именно из этой дисциплины происходит доксография как жанр[103].

Парадоксально, но борясь против идеи Дильса о Φυσικῶν δόξαι как *Urquelle* поздней традиции, "новая доксография" подставляет вместо нее свою собственную *Einquellentheorie*, в которой *Топика* Аристотеля служит *fons et origo* всей греческой доксографии. Все историческое в доксографии Феофраста методически подавляется, а все систематическое и критическое насильственным образом связывается с диалектикой, как будто это единственно возможный источник систематизации и критики. Иногда даже возникает впечатление, что Феофраст писал свой труд с *Топикой* в руках и что иначе он вообще не смог бы его написать. Например, в *DS* он часто крити-

---

[100] Продолжающиеся нападки Балтуссена (см. сн. 14), 237 на *Einquellentheorie* основаны на ошибочном понимании того, что она, собственно, подразумевает. Хотя Дильс считал Φυσικῶν δόξαι изначальным источником доксографической традиции, он никогда не утверждал, что *каждая* лемма у Аэция непосредственно восходит к Феофрасту.

[101] *Runia D.* What is doxography? P. 39.

[102] "Der Aufbau scheint nach Sach- und Problemkategorien geordnet gewesen zu sein, innerhalb deren sowohl die zeitliche Folge als die angeblichen Schulzusammenhänge bestimmend waren" (*Regenbogen O.* Theophrastos. Col. 1536).

[103] *Mansfeld J.* Doxographical studies. S. 26.

кует один тезис с разных точек зрения. Откуда же еще он мог позаимствовать эту изощренную технику, если не из *Топики*? Балтуссен, который вполне серьезно двигается в этом направлении, заключает: применяя эту технику, Феофраст "следует совету Аристотеля, выраженному им в *Top.* VIII, 8, – выдвигать много аргументов против одного тезиса"[104].

Понятие диалектики, которое использует "новая доксография", и ее предполагаемая роль в структурировании античной доксографии представляется мне самым слабым пунктом во всем этом споре. Правда, нужно отметить, что экспансия диалектики из ее первоначального места в *Топике* в различные сферы философии Аристотеля и тенденция превращать диалектику в его наиболее важный философский метод насчитывают уже по крайней мере пятьдесят лет. Но, присоединившись к этому направлению, Мансфельд и его школа дали мощный импульс к дальнейшей экспансии диалектики – от философии Аристотеля и доксографических пассажей в его теоретических трактатах[105] через компендий Феофраста к поздним доксографам. В то же время, они сводят понятие диалектики к нескольким легко распознаваемым признакам типа диайресиса (разделения), игнорируя ее другие, более важные и характерные черты, которые не встречаются в доксографии.

Любой детальный анализ "диалектической доксографии" выйдет за рамки этой статьи, так что мне поневоле придется быть здесь более аподиктическим. В современных работах об Аристотеле есть одна очень показательная параллель: почти одновременно с экспансией диалектики происходило систематическое приложение *Второй Аналитики* к зоологическим работам Аристотеля. Промежуточные итоги этого направления были суммированы и критически оценены Дж. Ллойдом: "результаты, достигнутые до сих пор, разочаровывают"; "интерпретационный анархизм"; позиции меняются в течении нескольких лет; постоянно подчеркивается необходимость дальнейших исследований[106]. Очень сходные черты различимы и в приложении *Топики* к Φυσικῶν δόξαι: те же разочаровывающие результаты, "интерпретационный анархизм", постоянно меняющиеся взгляды и ссылки на необходимость даль-

---

[104] *Baltussen.* Theophr. II, 224.

[105] О более ранних диалектических интерпретациях доксографии Аристотеля см.: *Berti E.* Sul carattere "dialettico" della storiografia filosofica di Aristotele // Storiografia e dossografia nella filosofia antica / G. Cambiano. Torino, 1986. P. 101–125. Берти полагает, что первым диалектический характер Аристотелевой историографии философии продемонстрировал Чернис (ibid. P. 105). Ср. *Jaeger W.* Rec. P. 350.

[106] *Lloyd G.E.*R. Aristotle's zoology and his metaphysics: The *status quaestionis*. A critical review of some recent theories // Methods and problems in Greek science. Cambridge, 1991. P. 373–396.

нейшей работы[107]. Причины этого сходства ясны: *систематическое* приложение логических процедур в доксографии *a priori* так же немыслимо, как и в зоологии. Что же касается случайного приложения, то здесь уместно процитировать самого Аристотеля:

Поэтому все, даже несведущие, некоторым образом пользуются диалектикой и искусством испытывания (пейрастикой). Ведь все берутся до какой-то степени судить о тех, кто выдает себя за знатока (*Soph. Ref.* 172 a 30).

Занимает ли диайресис столь заметное место в диалектике, чтобы служить ее главным представителем в доксографии? И не было ли отношение зрелого Аристотеля к диайресису скорее критическим[108]? Феофраст явно пытался сделать как можно прозрачнее сходства и различия между мнениями досократиков, но это вполне понятно в контексте истории философии, без всякой апелляции к диалектике. В самом общем виде диайресис – это просто метод классификации, отлично приложимый к разнообразному материалу. Если что-либо в доксографии выглядит как диайресис или *станет* выглядеть, если мы реконструируем некоторые недостающие звенья, это вовсе не означает, что доксография как жанр происходит из диалектики, ибо само уравнение "диайресис = диалектика" более чем сомнительно. Добавим, что подобные реконструкции часто весьма искусственны[109], иногда они вообще противоречат материалу[110]. Там, где диайресис действительно присутствует, например, в начале *DS* (см. выше, с. 12), он очевиден и в каком-то смысле тривиален, как любое подобное разделение (реалисты и номиналисты, материалисты и идеалисты и т.д.), однако гипотеза о комплексной и скрытой диалектической структуре всей доксографии не имеет опоры в наших источниках[111].

---

[107] См., например: гипотеза Дильса "в настоящеее время подвергается ревизии и нуждается в дальнейшей ревизии, так что следующие соображения, хотя и предварительны в том смысле, что эта ревизия еще не закончена, частично идут дальше Дильса" (*Mansfeld J.* Sources. P. 26). Балтуссен уверен в том, что гипотеза Узенера–Дильса плоха (Theophr. II, 243), "но то, что должно ее заменить, нелегко сформулировать и потребует дальнейших изысканий". Ср. также его объяснение того, почему из новой версии своей книги он исключил главу о соотношении *DS* с Аэцием: "Эта мера продиктована как необходимостью дальнейших раздумий над соответствующими источниками, так и недавним развитием исследований доксографии (Аэций)" (*Theophr.* II, 234).

[108] См.: *Cherniss H.* Aristotle's criticism of Plato and the Academy. N.Y., 1962. P. 27 ff.

[109] См., например: *Mansfeld J.* Chrysippus and the *Placita* // Phronesis 34 (1989). P. 314 ff.

[110] Идея Мансфельда о том, что применение Симпликием диайресиса в первой главе Φυσικῶν δόξαι восходит к Феофрасту (*Mansfeld J. Physikai doxai...* P. 243 ff) противоречит как словам самого Симпликия (*In Phys.*, 22.20–21), так и организации материала в этой главе. Ср.: *Diels.* DG, 104 f; *Steinmetz* (сн. 4), 338 ff; *Wiesner J.* Theophrast und der Beginn des Archereferats von Simplikios' Physikkommentar // Hermes 117 (1989). S. 288–303, и выше, сн. 56.

[111] Сбалансированную критику этой идеи см.: *Laks A.* Du témoignage comme fragment // Collecting fragments = Fragmente sammeln / G. W. Most. Göttingen, 1997. P. 257–263.

В чем разница между ἔνδοξα как основой диалектического силлогизма и δόξαι как предметом доксографии? Досократические δόξαι содержат немало ἔνδοξα, но в них есть и то, что Аристотель определенно квалифицировал бы как ἄδοξα[112]. Мансфельд регулярно ссылается на *Категории* и *Вторую Аналитику* в своих объяснениях диалектической природы доксографии[113]. Означает ли это, что Аристотелевы логические категории и его теория научного силлогизма также являются частями диалектики? Конечно, *можно* интерпретировать отдельные главы *Мнений натурфилософов* в терминах категорий Аристотеля, полагая, что главы περὶ τροπῶν ἡλίου и περὶ ἐκλείψεως ἡλίου являются "специфическим приложением общей темы περὶ κινήσεως в смысле категорий делания и претерпевания"[114]. Можно, однако, вспомнить о том, что досократики действительно выдвигали различные теории солнечных затмений. Разве не естественно для человека, желавшего дать обзор таких теорий, поместить их под заголовком περὶ ἐκλείψεως ἡλίου? На все эти вопросы я не нахожу ответа во многочисленных публикациях по "диалектической доксографии".

Аристотелево понимание диалектики было весьма ограниченным, и в его работах мы находим строгое различение между диалектикой и философией (например, *Top.* 105 b 30, *Rhet.* 1359 b 10). Соответственно, те современные эксперты в диалектике, которые изучают *Топику* ради нее самой, а не ради доксографии, выражают большие сомнения в ее применимости в философии и науке[115]. Примавези, например, считает, что *Топика* описывает метод диалектического силлогизма, т.е. принудительной аргументации в γυμνασία (школьной подготовке), что она подразумеваст реальный, а не воображаемый диалог между двумя лицами, со строгими правилами вопросов и ответов и т.д.[116] Очевидно, что искать подобные вещи в Φυσικῶν δόξαι – совершенно напрасно, поэтому "новая доксография" никогда и не пыталась найти их. Среди тех вещей, которые она нашла в *Топике* (напомним – одном из самых ранних трактатов Аристотеля), следующие две заслуживают упоминания.

---

[112] В *Топике* 160 b 17–22 взгляды Парменида (ничто не движется) и Гераклида (все движется) характеризуются как ἄδοξα, которых следует избегать в диалектической дискуссии.

[113] См.: *Mansfeld J. Physikai doxai...* P. 69 ff.

[114] Ibid. P. 93.

[115] Лучшим современным введением является: *Primavesi O.* Die Aristotelische Topik. München, 1996. См. также: *Devereux D.* Comments on Robert Bolton's 'The epistemological basis of Aristotelian dialectic' // Biologie, logique et métaphysique chez Aristote / D. Devereux, P. Pellegrin. Далее: Comments on Robert Bolton's... P., 1990. P. 263–286; *Slomkowski P.* Aristotle's Topics. Leiden, 1997.

[116] *Primavesi O.* Die Aristotelische Topik. S. 17 ff. См. также: *Kapp E.* Syllogistik // RE IV A (1932) 1056; *Robinson R.* Plato's earlier dialectic. 2nd ed. Oxford, 1953. P. 91; *Slomkowski P.* Aristotle's Topics. P. 9 ff.

Аристотель мимоходом замечает: готовясь к диалектическим дискуссиям, следует делать выписки мнений из существующей литературы, включая мнения отдельных людей, например мнение Эмпедокла о том, что элементов всего четыре (*Top.* 105 a 34 sq.). В этом видят программу будущей доксографии. Но если нечто используется или просто упомянуто в *Топике*, оно тем самым вовсе не становится диалектическим. Совет Аристотеля отражает его общее отношение к предшественникам и готовность сделать их взгляды отправной точкой *любого* исследования, которое его интересовало[117].

В другом известном пассаже он говорит, что диалектика может быть использована как путь к началам (ἀρχαί) всех наук (101 a 34). Отвлекаюсь от того факта, что этот пассаж остается изолированным, поскольку уже в *Аналитиках* Аристотель нашел иной, лучший путь к началам[118], можно спросить, имеет ли доксография какое-либо отношение к поиску начал. Этот вопрос был поставлен Балтуссеном и вот его вывод:

> Оценка Феофрастом пропозиционных *archai*.... может быть названа диалектической процедурой лишь в ограниченном смысле. Собственно диалектика была определена как рассуждение от предварительных *archai* к основаниям некоей дисциплины. Такая форма рассуждения в *DS* отсутствует.

Балтуссен все же настаивает, что "*DS* является диалектическим трактатом *sensu Aristotelico* в значительной степени", поскольку он соответствует по крайней мере двум из четырех минимальных критериев диалектического сочинения, сформулированных им самим, а именно: 1) он использует *endoxa* и 2) демонстрирует диалектические аргументы[119]. На это следует возразить, во-первых, что доксография использует не *endoxa*, а *doxai*, и было бы странно, если бы она этого не делала, а во-вторых, что именно из-за отсутствия в диалектике собственного предмета исследования ее аргументы применимы к любому предмету[120]. Но эта потенциальная применимость не доказывает реальное диалектическое происхождение доксографии.

Насколько истоки доксографии далеки от диалектики, показывает один из самых ранних доксографических обзоров, до сих пор обойденный вниманием Мансфельда. Интересуясь причинами раз-

---

[117] Ср. его показательное замечание, сделанное как раз в доксографическом контексте: "Мы все имеем обыкновение вести исследование, сообразуясь не с самим предметом, а с возражениями тех, кто утверждает противоположное" (*De Caelo* 294 b 7–9, пер. А. Лебедева).

[118] *Devereux D.* Comments on Robert Bolton's... P. 284 f; *Primavesi O.* Die Apustotelische. Topik. S. 52 f, 57.

[119] *Baltussen.* Theophr. II, 229, 232. О том, какие именно аргументы он считает диалектическими, см. выше.

[120] "Предметом диалектических и риторических силлогизмов являются вещи, которые касаются, как мы говорим, общих мест, т.е. таких, которые равно относятся к справедливости, явлениям природы, политике и ко многим другим вопросам" (Arist. *Rhet.* 1358 a 10–14).

ливов Нила, Геродот предваряет свое объяснение этого явления (II, 24–25) сводкой трех более ранних мнений (II, 20–23): Фалеса, Евтимена из Массалии и Анаксагора (трудно сказать, случаен ли их хронологический порядок). Хотя имена их не названы, они легко восстановимы из более поздней традиции. Обзор Геродота содержит несколько черт, характерных для перипатетической доксографии: 1) физическая проблема; 2) краткие ссылки на мнения предшественников (двое из которых являются "физиками), за которыми следует 3) критика первого и третьего мнения *с различных точек зрения* (второе было просто отброшено). Вполне естественно, что все три мнения плюс объяснение самого Геродота можно найти в доксографической части трактата Аристотеля *О разливах Нила* (который в свою очередь приводит против них физические, а не диалектические доводы), а затем и у Аэция (IV, 1)[121]. Что же касается истоков доксографии, то кажется более чем символическим, что этот доксографический обзор содержится в *историческом* сочинении, написанном по крайней мере за 80 лет до *Топики*.

6

Ценность научной работы можно определить по тому, насколько она делает ненужными все предшествующие сочинения в данной области и стимулирует все последующие. С этой точки зрения *Доксографы* Дильса заслуживают столь же высокой оценки, что и его *Досократики*, хотя первый из этих трудов до сих пор привлекал гораздо меньше внимания, чем второй. Вместо того чтобы постоянно спрашивать "Почему Дильс не закрыл область доксографии?", мы должны быть благодарны ему за то, что он открыл ее для нас. Это вовсе не значит, что есть лишь один бог доксографии – Феофраст, а Дильс является его пророком, в чьих писаниях нельзя ничего менять. Нет никаких сомнений в том, что реконструкция Дильсом доксографической традиции, как ранней, так и поздней, может быть исправлена, улучшена и развита, как это было уже сделано во многих важных пунктах, в том числе Мансфельдом, Рунией и Балтуссеном[122]. Но эта необходимая работа вполне может идти и без театрализованной борьбы против "доминирования" Дильса и тем более без амбициозных, но бесплодных попыток "деконструкции предпосылок, методов и результатов" его труда[123]. Это было недавно продемонстрировано образцовой статьей В. Буркерта о *Досократиках*

---

[121] См.: *Balty-Fontaine J.* Pour une édition nouvelle du "Liber Aristotelis de Inundatione Nili" // Chronique d'Egypte 34 (1959). P. 95–102; *Bonneau D.* Liber Aristotelis De inundatione Nili // Études de Papyrologie 9 (1971). P. 1–33; *Bollack M.* La raison de Lucrèce. P., 1979. P. 539 sv.

[122] Дильс был очень далек от того, чтобы считать свою реконструкцию непогрешимой. См. об этом: *Regenbogen O.* Hermann Diels (1922). S. 545–546.

[123] *Baltussen H.* Plato in the Placita. P. 227.

Дильса[124]. Вместо "доминирования" Буркерт говорит об "эпохе Дильса", в которой мы всё еще живем, и не скрывает своих сомнений по поводу возможной замены *Досократиков* новым, методологически более совершенным изданием. Показав, что в своей реконструкции Аэция Дильс был прав "почти сверх ожидаемого"[125], Мансфельд и Руниа еще раз подтвердили: эта часть ученой традиции покоится на твердом основании. Заметим, однако, что "сделать заново работу Дильса" означает нечто большее, нежели показать, где он был прав, а где ошибался. Воспринятая всерьез, эта задача подразумевает новые публикации доксографических текстов, изданных им как в *DG* (среди них Аэций, Арий Дидим, *De sensibus* Феофраста), так и позже (медицинская доксография Менона). Можно ли быть уверенным в том, что все эти тексты (или хотя бы какая-то их часть) появятся в следующих томах *Aëtiana* и навсегда заменят труды Дильса?

АРИСТОТЕЛЬ ОБ *ОПЫТЕ* И *УМЕ* ВО "ВТОРОЙ АНАЛИТИКЕ" II, 19

Е.В. Орлов

ВВЕДЕНИЕ

Джонатан Барнс, переводчик и комментатор "Второй аналитики", отмечает [15. с. 259], что при чтении знаменитой главы *An. post.* II, 19, посвященной познанию начал ἐπιστήμη (*эпистемы*)[1], помимо множества детальных проблем возникают три трудности общего характера.

Во-первых, Дж. Барнс называет *An. post.* II, 19 двуликим Янусом, смотрящим и в сторону эмпиризма, и в сторону рационализма. Дело

---

[124] *Burkert W.* Diels' *Vorsokratiker*. Rückschau und Ausblick // Hermann Diels... et la science de l'antiguite. P. 169–197.

[125] Реконструкция Аэция в *DG* подтверждена Мансфельдом и Руней (*Aëtiana*) почти сверх ожидаемого (*Burkert* // Hermann Diels... et la science de l'antiguite. P. 165). Ср. в целом благожелательную рецензию М. Фреде на *Aëtiana*: Мансфельд и Руниа правильно критикуют метод и аргументы Дильса, но в конце концов приходят к выводу, что Дильс, по крайней мере, в том, что касается этой части его тезиса, был в основном прав... Если кто-либо сочтет, что этот результат... относительно незначителен по сравнению с огромными затраченными усилиями, то следует напомнить, что крайне необходимо покончить с сомнениями, касающимися этой центральной части гипотезы Дильса (*Frede M.* Rec. // Phronesis 44.2 (1999). P. 137). Подчеркнем, однако, что до Мансфельда и Рунии эта центральная часть реконструкции Дильса подвергалась критике лишь в краткой и в целом оставшейся незамеченной статье Лебедева (сн. 5). Показательно, что опровержению тезиса Лебедева посвящены лишь 8 из 371 страниц *Aëtiana*.